

Саммит в Рейкьявике 1986 г.: прорыв или провал?

Александр Пученков

The Reykjavík summit: success or failure?

Aleksandr Puchenkov

(Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870012928-1

11—12 октября 1986 г. в столице Исландии Рейкьявике прошла встреча советского и американского лидеров — М.С. Горбачёва и Р. Рейгана. Прошло уже более 30 лет, но до сих пор её итоги порождают самые противоречивые оценки как в научной и публицистической литературе¹, так и в мемуаристике. Не случайно Горбачёв назвал одну из глав своей недавней книги «Саммит в Рейкьявике. Провал или прорыв?»². Примечательно, что в первом издании воспоминаний он писал о «драме» Рейкьявика, сравнивая её с Чернобылем: «Разного рода драмы... Но по потрясению основ, на которых строился послевоенный мир, они сопоставимы. После Чернобыля мы поняли, в каком мире живём — в каком соотношении с природой, с наукой, чего стоим, о чём должны думать. А после Рейкьявика всем стало ясно, что мир, может быть, на последнем перевале — к спасению рода человеческого или к гибели»³.

Ближайшие сотрудники генерального секретаря отмечали те сложности, с которыми столкнулся Горбачёв, приступая к реализации своего внешнеполитического курса. Г.Х. Шахназаров указывал, что смелые шаги в области разоружения оказались восприняты на Западе даже не в качестве «очередной утопии», а лишь как «пропагандистский трюк» Кремля. Однако «напористая личная дипломатия» Горбачёва «позволила растопить ледяные наносы, образовавшиеся за четыре десятилетия “холодной войны”». Он сумел убедить западных коллег, что Советский Союз не блефует, и с их помощью «расколол самый крепкий орешек — Рейгана»⁴. Шахназаров безусловно положительно оценил итоги советско-американских встреч на высшем уровне. А.С. Черняев, занимавший должность помощника генсека по международным делам и принимавший участие во встрече в Рейкьявике, относился к результатам деятельности патрона более осторожно. Но и он утверждал, что, хотя «формально Рейкьявик вроде сорвался, ничего не получилось», по сути «это был прорыв к новым отношениям»⁵. Л.М. Замятин, занимавший в те годы должность посла в Великобритании, также оценил итоги переговоров положительно. По его словам, хотя «соглашение подписано не было, но взаимопонимание по многим вопросам существовало», и это не могло не внушать определённый оптимизм⁶.

© 2020 г. А.С. Пученков

¹ Так, некоторые авторы пишут даже о «тайне» Рейкьявика, где, дескать, была подготовлена «капитуляция» СССР и его союзников в Восточной Европе (См.: *Островский А.В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 88—101).

² *Горбачёв М.С.* В меняющемся мире. М., 2018. С. 55.

³ *Горбачёв М.С.* Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 27—28.

⁴ *Шахназаров Г.Х.* С вождями и без них. М., 2001. С. 296.

⁵ «Мы называли его Графом». Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 400, 423.

⁶ *Замятин Л.М.* Горби и Мэгги. М., 1995. С. 37.

Американская сторона также отмечает, что на переговорах удалось добиться больших достижений, чем за «какую-либо предыдущую советско-американскую встречу», и их следует рассматривать как самые «замечательные» в истории двусторонних отношений⁷. Вместе с тем встречается и утверждение, что саммит оказался самым противоречивым по своему характеру за всю вторую половину холодной войны, а Горбачёв предложил Рейгану чрезвычайно рискованную и авантюрную сделку, целью которой было уничтожение СОИ⁸. О «загадном» и «крайне спорном саммите в Рейкьявике» пишет видный дипломат и политик К. Адельман, убеждённый в том, что октябрьская встреча 1986 г. открыла дорогу к окончанию противостояния, исход которого не вызывал у него сомнения: «Мы победили. Они проиграли»⁹. О том, что американская делегация достигла «успеха в Исландии», Рейган объявил в обращении к нации уже 13 октября¹⁰. Так чем же всё-таки стал Рейкьявик — провалом или прорывом?

К весне 1985 г. советско-американские отношения находились в глубоком кризисе. Сверхдержавы придерживались противоположных точек зрения по ключевым вопросам мировой политики, при этом отчётливо сознавая всю степень потенциальной опасности для судеб мира, которую таила подобная конфронтация. Приход к власти относительно молодого и динамичного Горбачёва обозначил решительный поворот во внешней политике: новый лидер считал своей главной задачей снижение напряжённости. «Мы выстроили приоритеты: остановить гонку вооружений, особенно ядерных, нормализовать отношения с Западом, в разумные сроки вывести наши войска из Афганистана, добиваться урегулирования региональных конфликтов, положить конец конфронтации с Китаем. И сходились на том, что начинать надо с Соединённых Штатов. Это и супердержава, и признанный лидер западного мира, без согласия которого любые попытки добиться перелома в отношениях Востока и Запада ничего не дадут. Две главные черты характеризовали советско-американские отношения в начале 1980-х годов: практически полное отсутствие доверия и доминирование в повестке дня милитаристского компонента». Горбачёв поставил перед своей командой амбициозную задачу: «Вывести отношения из штопора, в который они попали на рубеже 70—80-х гг.»¹¹.

В ноябре 1985 г., спустя шесть лет после предыдущей встречи глав Советского Союза и США, состоялся саммит в Женеве, на котором удалось «растопить лёд»¹². В то же время дискуссия проходила чрезвычайно остро: «Мы оба, споря, с жаром возлагали друг на друга ответственность за гонку вооружений, поставившую мир на грань ядерного конфликта»¹³. Разгорячённый дискуссией, Горбачёв высказался в кругу подчинённых о Рейгане как о «пещерном политике»¹⁴ и был даже близок к тому, чтобы прервать переговоры¹⁵. Он явно недооценил партнёра, считая его слишком ограниченной лично-

⁷ Shultz G.P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N.Y., 1993. P. 776.

⁸ Gates R.M. From the shadows. N.Y., 1996. P. 407—408.

⁹ Adelman K. Reagan at Reykjavik. N.Y., 2014. P. 295, 297.

¹⁰ Рейган Р. Откровенно говоря: избранные речи / Пер. с англ. С. Музалевского. М., 1990. С. 288.

¹¹ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. С. 37—38.

¹² Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 635.

¹³ Горбачёв М.С. Наедине с собой. М., 2012. С. 460.

¹⁴ Корниенко Г.М. «Холодная война». Свидетельство её участника. М., 2001. С. 363.

¹⁵ Белый Лис (Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе) // Итоги. 2011. № 6. С. 33.

стью¹⁶. «Впоследствии, — вспоминал дипломат А.Ф. Добрынин, — он говорил о Рейгане куда более взвешенно»¹⁷.

В результате стороны пришли к важнейшему выводу: «Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей»¹⁸. В ходе встречи выявилось стремление к безъядерному миру, возродился «дух Женевы»¹⁹, в среде советских дипломатов появилось убеждение, что, «оказывается, с Рейганом можно работать»²⁰. Горбачёв, достойно проведший переговоры, «уверенно занял место среди ведущих государственных лидеров мира»²¹. По словам Добрынина, «в известном смысле эта встреча... подвела черту под определённым историческим отрезком времени, когда в Вашингтоне фактически отвергали серьёзный диалог с нами, предпочитая диалогу попытки грубого нажима на СССР. Несмотря на то что... не было достигнуто согласия по главным вопросам — о запрете на ударные космические средства и сокращении ядерных испытаний, — результаты встречи создавали предпосылки для перехода от состояния опасной напряжённости к конструктивным поискам путей нормализации взаимоотношений двух стран и оздоровления международной обстановки в целом»²². Закрепляя сложившееся в мире позитивное впечатление, 15 января 1986 г. Горбачёв огласил программу поэтапной ликвидации ядерного оружия к концу XX в.²³, авторами которой выступили Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев и первый заместитель министра иностранных дел СССР Г.М. Корниенко²⁴. Это заявление можно рассматривать как зарю того «нового мышления», о котором вскоре заговорил весь мир.

Следующей вехой советско-американских отношений и стал саммит в Рейкьявике. К тому моменту положительная составляющая, достигнутая на первой встрече, стала сходить на нет. По словам Горбачёва, переговоры по ядерным вооружениям оказались «практически в тупике», превратившись в «ширму, за которой ничего не происходит». Исходя из этого, советская сторона срочно подготовила и отправила Рейгану письмо, в котором содержалось предложение о встрече, которая должна дать новые импульсы переговорному процессу. Для того чтобы не возникло ощущение, что СССР или США идут друг другу на уступки, в качестве места встречи выбрали Рейкьявик, поскольку Исландия находилась на равном удалении от обеих стран. Неожиданно быстро удалось достичь соглашения о встрече, а вскоре последовало официальное сообщение о новом советско-американском саммите. Встрече предшествовала напряжённая подготовка: Горбачёв поставил подчинённым задачу подготовить предложения, которые могли открыть «путь к прорыву»²⁵.

¹⁶ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. М., 1994. С. 289.

¹⁷ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986 гг.). М., 1996. С. 655.

¹⁸ В интересах грядущих поколений. Ответы президента США Р. Рейгана на вопросы журнала «Огонёк» // Огонёк. 1988. № 22. С. 5.

¹⁹ Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 466.

²⁰ Дипломат (Беседа О. Пересина с А. Бессмертных) // Итоги. 2011. № 22. С. 49.

²¹ Брутенц К.Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 139.

²² Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно... С. 595.

²³ Горбачёв М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1986. С. 242—243.

²⁴ Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М., 1999. С. 427.

²⁵ Горбачёв М.С. В меняющемся мире. С. 53.

Ещё перед встречей в Женеве академик Г.А. Арбатов в докладной записке на имя Горбачёва советовал пересмотреть позицию по вопросам разоружения. Он предлагал не стремиться перехитрить американцев, а уделить «больше внимания тому, чтобы своей позицией, своими предложениями, сделав их максимально привлекательными, безукоризненно честными и реалистическими, способствовать усилению и обострению этой внутренней борьбы в США и в НАТО, укреплению позиций противников гонки вооружений и “холодной войны”». Для этого в Женеву, как мне кажется, надо будет взять помимо доброй воли ещё и новые позиции». В качестве «домашней заготовки» Арбатов обратил внимание на особенности характера Рейгана, в котором воинствующий антикоммунизм уживался со стремлением доказать, что он — «большой государственный деятель и политик, даже миротворец». Поскольку президент «очень популярен в США, он ощущает зависимость от общественного мнения и мнения политических кругов — в Америке и в мире. У нас цели, естественно, совершенно иные... попытаться сделать реальный шаг к разрядке и разоружению, не упустить даже малейшую к тому возможность. Возможно ли это? По-моему, возможно, но только если подойти к встрече очень серьёзно, ответственно и смело. Это, как мне кажется, сделало бы нашу позицию бесприкрышной. Мы либо добились бы заметного сдвига к лучшему (как минимум в смысле значительного укрепления своих позиций для дальнейшей борьбы за разрядку и ограничение вооружений). Либо... убедительно разоблачили бы политику Рейгана, сорвали с неё маску, а тем самым нанесли бы по ней очень чувствительный удар... Ключ, мне кажется, в том... чтобы эти усилия были должным образом подкреплены очень сильной и в чём-то неожиданной позицией по главному вопросу — ограничению вооружений»²⁶.

Встрече в верхах предшествовала серия совещаний. В итоге, как вспоминал Г.М. Корниенко, «все согласились выдвинуть... предложения о сокращении каждого вида СНВ²⁷ (МБР, БРПЛ, ТБ²⁸) обеими сторонами на 50% от существовавшего тогда у каждой из них уровня, а в качестве запасного варианта — о сокращении СНВ до уровня 1 600 стратегических носителей и 6 000 боезарядов. После жарких дискуссий договорились о возможности сокращения на 50% и наших тяжёлых МБР СС-18 (с 308 до 154), в чём были особенно заинтересованы США, а также о засчёте каждого ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту как одного стратегического носителя в число 1 600 и одного боезаряда в число 6 000. Эти решения были очень непростыми для нас. Мы шли на серьёзные уступки американцам, уменьшая на 50% количество советских тяжёлых ракет МБР СС-18. Подобных ракет у США не было. Порядок засчёта ТБ с ракетами СРЭМ также был выгоден США. Одновременно было договорено твёрдо держаться позиции, что договор по ПРО должен строго соблюдаться сторонами в том виде, как он был подписан в 1972 г., и добиваться полного прекращения ядерных испытаний. По ракетам средней дальности наша позиция... предусматривала полную ликвидацию таких ракет СССР и США в Европе при сохранении в Азии определённого их количества (около 100). Всё было сформулировано в виде проектов совместных советско-американ-

²⁶ РГАНИ, ф. 84, оп. 1, д. 227, л. 36—40.

²⁷ Стратегические наступательные вооружения.

²⁸ Межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок, тяжёлые бомбардировщики.

ских документов, которые имелось в виду вручить Р. Рейгану (разъяснив при этом, разумеется, их суть соответствующим образом) в ходе первой же беседы. Разработку нами таких документов можно называть не без основания настоящим прорывом. Такой широкий набор важных предложений одновременно ни разу не вносился советской стороной за всю историю советско-американских переговоров по сокращению ядерных вооружений. Коллективно были определены и глубоко разработаны вопросы, по которым было нужно добиваться уступок от американской стороны. Словом, как сам М.С. Горбачёв, так и все члены советской делегации к переговорам были подготовлены всесторонне»²⁹. Как «очень сильную и продуманную» расценил позицию советской делегации и переводчик П.Р. Палажченко³⁰. Горбачёв подчёркивал, что, «прекращая гонку наступательных вооружений, мы исходили из того, что не должна начаться гонка вооружений в космосе, в области противоракетной обороны»³¹, тем самым фактически признавая, что наибольшие опасения у Советского Союза вызывала знаменитая СОИ, о которой речь пойдёт ниже. По поводу этих целей царило единодушие. 8 октября Политбюро утвердило директивы делегации. При этом Горбачёв прекрасно осознавал всю сложность задачи. Накануне вылета в Рейкьявик он заявил: «Встреча будет очень сложная. Не исключён и провальный вариант»³².

Саммит, во время которого разыгрались поистине шекспировские страсти³³, во многом отличался от предыдущего. Е.М. Примаков вспоминал: «В Женеве нас не слышали. Так мы подошли к октябрю 1986 г., когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что там была уже иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы»³⁴. Переговоры проходили 11—12 октября «в одиноко стоявшем у берега Атлантического океана деревянном доме, носившем название Ходфри Хауз», который, по утверждению мистически настроенных исландцев, был пристанищем привидений³⁵. Маленькая страна, к которой в те дни оказались прикованы взоры всего мира, испытывала понятную гордость и радость и с нетерпением ожидала представителей СССР и США³⁶. Гостиницы были перепол-

²⁹ *Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. М., 1992. С. 110—111. Серьёзно отнёсся к предстоящему саммиту в Рейкьявике и Рейган, искавший подход к Горбачёву (См.: *Масси С.* «Доверяй, но проверяй!» Уроки русского для Рейгана. Мои воспоминания / Пер. с англ. О.А. Зимарин, М.Ю. Булыгина. М., 2018. С. 164—245). Вряд ли можно не согласиться с оценкой Дж. Мэтлока (посол США в СССР в 1986—1991 гг.), по словам которого, «оба лидера подготовили свои позиции тщательно, хотя спешно и в глубокой тайне» (См.: *Мэтлок Д.Ф.* Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 75).

³⁰ Интервью переводчика М.С. Горбачёва П.Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля (архив автора).

³¹ *Горбачёв М.С.* В меняющемся мире. С. 54.

³² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985—1991) / Сост. А. Черняев, А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2, испр. и доп. М., 2008. С. 82.

³³ *Горбачёв М.С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 90.

³⁴ *Примаков Е.М.* Минное поле политики. М., 2006. С. 45—46.

³⁵ *Дубинин Ю.В.* Время перемен. Записки посла в США. М., 2003. С. 125.

³⁶ *Можайский Н.* Рейкьявик готовится к встрече // Неделя. 1986. № 41. С. 9.

нены: встреча лидеров сверхдержав вызвала невиданный интерес³⁷, в ожидании приезда высоких гостей город судорожно «прихорашивался» и украшался³⁸.

Советская делегация прилетела 10 октября и разместилась на теплоходе «Георг Отс». В её состав, помимо Горбачёва и его супруги, вошли Э.А. Шеварднадзе, А.Ф. Добрынин, Ю.В. Дубинин, А.Н. Яковлев, А.С. Черняев, С.Ф. Ахромеев, Г.А. Арбатов, Е.М. Примаков, П.Р. Палажченко³⁹. Уже тогда проявилась особенность советского лидера: он «невероятно много, интенсивно работал»⁴⁰, требуя того же от подчинённых. По прибытии Горбачёв выступил с небольшим заявлением для прессы, в котором подчеркнул, что «пришло время действий, действий серьёзных и решительных». От лица СССР он призвал мировое сообщество «ликвидировать ядерное оружие к концу нынешнего века»⁴¹. Газета «Правда» отмечала, что «сегодня Рейкьявик стал символом надежды на то, что люди во всём мире смогут избавиться от страха перед ядерным всесожением. И эти надежды не должны быть обмануты»⁴².

В действительности же переговоры проходили непросто: и Рейган, и Горбачёв, и их «команды» относились друг к другу с опаской и недоверием. Советская сторона руководствовалась здоровой логикой: «Опустить ядерное противостояние на другой, намного более низкий уровень. На наши далеко идущие предложения у президента Рейгана сначала проявилась реакция, близкая к растерянности, хотя он и услышал то, чего США всегда добивались от нас, — радикального сокращения МБР. Но поскольку это подавалось в увязке с другими компонентами, у президента, видимо, возникло подозрение, что его хотят загнать в ловушку»⁴³. «Американцы были ошарашены», — утверждал принимавший участие в переговорах генерал Н.Ф. Червов⁴⁴, им приходилось на ходу придумывать новую «пьесу». Вместе с тем инициатива отвечала их желанию. По словам руководителя американской команды военных экспертов П. Нитце (советские переговорщики дали ему прозвище «дед»)⁴⁵, она оказалась «самым лучшим и выгодным для США советским предложением за 25 лет»⁴⁶. На какое-то время у присутствующих возникло ощущение, что соглашение может быть достигнуто, осталось только доработать детали⁴⁷.

Советская и американская команды, руководимые Ахромеевым и Нитце, занимались выработкой максимально приемлемой формулы соглашения с учётом новой инициативы Москвы. В последний день переговоров, 12 октября, лидеры добились радикальной договорённости по ядерному оружию — полному его уничтожению в течение десяти лет⁴⁸. Американские эксперты были в недоумении: им казалось, что Рейган зашёл слишком далеко, а заявленная цель недостижима на практике⁴⁹. Вместе с тем переговоры плавно подходили

³⁷ Иванов Н. Чем живёт Рейкьявик // Известия. 1986. 7 октября.

³⁸ Бовин А., Иванов Н., Палладин А. Рейкьявик ждёт // Известия. 1986. 10 октября.

³⁹ Черняев А.С. Избранное — 2. М., 2013. С. 74—75.

⁴⁰ Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачёва. С. 288.

⁴¹ Известия. 1986. 12 октября.

⁴² Колесниченко Т., Масленников А. Что видится из Рейкьявика // Правда. 1986. 10 октября.

⁴³ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 29.

⁴⁴ Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 115.

⁴⁵ Квицинский Ю.А. Время и случай. Заметки профессионала. М., 1999. С. 351, 377.

⁴⁶ Shultz G.P. Op. cit. P. 760.

⁴⁷ Велихов Е.П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год. М., 2017. С. 186.

⁴⁸ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва. 1985—1991 гг. СПб., 2014. С. 165.

⁴⁹ Palazchenko P. My years with Gorbachev and Shevardnadze. The memoir of a Soviet interpreter. Pennsylvania, 1997. P. 57.

к кульминации, которая могла стать небывалым триумфом обоих лидеров и огромным шагом человечества на пути к крепкому и прочному миру. Однако в шаге от успеха всё внезапно застыло, эпохальные соглашения подписать не удалось⁵⁰.

В решающий момент переговоров камнем преткновения оказалась знаменитая СОИ (SDI — Strategic Defense Initiative), или, как её называла советская пропаганда, «Звёздные войны», предусматривавшая размещение элементов ПРО в космосе. Она, по словам Палажченко, была «болевым точкой» для Советского Союза⁵¹. «Звёздные войны напугали Москву. Мы клюнули на американскую пропаганду, внушившую Кремлю определённое чувство интеллектуальной неполноценности»⁵². Позднее в обывательских кругах стало модно говорить о «доверчивости» Горбачёва и его сотрудников, поверивших блефу американцев, но в 1986 г. всё казалось иначе. Е.П. Велихов писал: «Наши переговорщики и военные были уверены, что к 1990 году американцы развернут космический эшелон»⁵³. В свою очередь Р.З. Сагдеев, занимавший в то время пост директора Института космических исследований АН СССР, вспоминал, что учёные, работавшие над этой проблемой, «уделяли слишком много внимания СОИ», но делали это с самыми лучшими намерениями. «По крайней мере это сэкономило для страны несколько миллиардов рублей»⁵⁴.

Палажченко, осведомлённый о перипетиях тех переговоров, отмечал, что «СОИ никем не воспринимался как блеф, это была реальная программа, основанная на огромном бюджете. Как идеал, СОИ был миф, но это была программа, на которую Советскому Союзу пришлось бы отвечать. СОИ могла спровоцировать серьёзную гонку, которая никому бы ничего не дала». По его словам, позиция делегации сводилась к тому, что Советский Союз в ответ на замедление СОИ готов пойти на ликвидацию 154 ракет СС-18⁵⁵. Однако этот расчёт себя не оправдал. Отказ от СОИ и перенос исследований исключительно в рамки «лабораторий» американского лидера не устраивал, будучи, по его мнению, равносителен превращению их в «грудю мусора»⁵⁶. По словам Рейгана, в последние часы саммита Горбачёв наконец-то раскрыл карты, стремясь добиться такого соглашения, которое позволит «убить СОИ»⁵⁷. В свою очередь президент США полагал, что «это страховой полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства»⁵⁸. По словам его советника по национальной безопасности генерала К. Пауэлла, Горбачёв «действительно боялся» СОИ⁵⁹, так же, несомненно, думал и Рейган. Как следствие, он считал, что СОИ является главным фактором давления на СССР⁶⁰, отказ от неё был для

⁵⁰ Барсенков А.С. Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985—1990) // Российская история. 2015. № 6. С. 142.

⁵¹ Palazchenko P. Op. cit. P. 55.

⁵² Интервью А.М. Белоногова (в 1986—1990 гг. — постоянный представитель СССР при СБ ООН, в 1990—1991 гг. — первый заместитель министра иностранных дел СССР). Москва. 2020. 14 января (архив автора).

⁵³ Велихов Е.П. Мой путь... С. 184.

⁵⁴ Sagdeev R.Z. The making of a Soviet scientist: my adventures in nuclear fusion and space from Stalin to Star Wars. N.Y., 1994. P. 273.

⁵⁵ Интервью П.П. Палажченко.

⁵⁶ Nitze P.H. From Hiroshima to Glasnost: at the center of decision. A memoir. N.Y., 1989. P. 435.

⁵⁷ The Reagan diaries. N.Y., 2007. P. 444.

⁵⁸ Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 684.

⁵⁹ Powell C.L. My American journey. N.Y., 2003. P. 360.

⁶⁰ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва. С. 165.

него неприемлем. «Участники переговоров с обеих сторон понимали, что приближается поражение — политическое и моральное, — вспоминал Горбачёв. — Но все попытки ничего не давали, так крепко Рейган связал себя с СОИ»⁶¹. «Я всё больше закипал, не в силах сдерживать раздражение. До меня дошло, что он заманил меня в Исландию с единственной целью — угробить на корню стратегическую оборонную инициативу. С самого начала он, должно быть, замыслил известить нас об этом в самую последнюю минуту. Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлён», — признавался президент США⁶². Советский лидер также осознал, что «переговоры зашли в тупик и стали приобретать странный характер. Рейган попросту начал торговаться: пойдите мне навстречу, и вы почувствуете, сколько может сделать Америка в сотрудничестве с вашей страной. Я же пытался ему внушить, что всего один шаг отделяет его от того, чтобы войти в историю президентом-миротворцем. Но, повторяя, когда речь идёт о безопасности, я не могу требовать от вас согласия на то, что означало бы меньшую безопасность для Соединённых Штатов, а вы... не вправе требовать от меня подобного в отношении моей страны. Встреча закончилась. Мы вышли с Рейганом из дома. Уже наступили сумерки. Настроение скверное. Рейган бросил мне упрёк: — Вы с самого начала задумали приехать сюда и поставить меня в такое положение! — Нет, господин президент, я готов сейчас же вернуться в дом и подписать документ по вопросам, которые мы уже согласовали, если вы откажетесь от планов милитаризации космоса. — Весьма сожалею, — ответил Рейган... Мы расстались»⁶³.

Тем временем советская и американская делегации ожидали результатов переговоров. «Оба лидера посветили проблеме разоружения много сил и внимания, — свидетельствовал Яковлев. — Договорились о дополнительной встрече с глазу на глаз. Она продолжалась не менее двух часов. Обе делегации ждали в коридоре. Шутили, рассказывали анекдоты... и волновались. Все понимали, что за закрытыми дверями решается проблема общечеловеческого масштаба. Наконец Горбачёв и Рейган вышли в коридор с натянутыми улыбками. Михаил Сергеевич, проходя мимо меня, шепнул: “Ничего не вышло”»⁶⁴. «А за дверьми, — писал Черняев, — произошло следующее (передаю по рассказам Михаила Сергеевича). Президент добивался от Горбачёва согласия на СОИ. Много и

⁶¹ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 31.

⁶² Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 686. Любопытно, что английский премьер-министр М. Тэтчер утверждала, что отказ Рейгана принять предложения Горбачёва по поводу уничтожения ядерного оружия имел важнейшее значение «в достижении победы над коммунизмом... Русские... проиграли игру, и я не сомневаюсь, что они знали это» (*Thatcher M. The Downing Street years. N.Y., 1993. P. 471*).

⁶³ Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 469. Ср. с записью беседы: «Горбачёв. Мы не можем пойти на то, что Вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через две минуты подпишем документ. На что-то другое мы пойти не можем. На что могли — мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть. Несмотря на то что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал всё, что мог. Рейган. Жаль, что мы расстаёмся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю всё-таки, что Вы не хотели достижения договорённости. Мне очень жаль. Горбачёв. Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договорённости и сделал для неё всё, что мог, если не больше. Рейган. Не знаю, когда ещё у нас будет подобный шанс и скоро ли мы сможем встретиться. Горбачёв. Я тоже этого не знаю» (Из архива Горбачёва (Беседы М.С. Горбачёва с Р. Рейганом в Рейкьявике 11—12 октября 1986 г.). Четвёртая беседа (днём 12 октября 1986 г.) // *Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8. С. 78*).

⁶⁴ Яковлев А.Н. Сумерки. Изд. 2, доп. и перераб. М., 2005. С. 586.

увлечённо рассуждал о преимуществах и перспективах этой системы, о том, как она обеспечит всем мир и безопасность. Произнёс также, к ужасу Шульца, что он вообще за ликвидацию ядерного оружия полностью и до конца. Выразил готовность поделиться с нами разработками по СОИ... и т.д. Горбачёв возражал: СОИ позволяет обойти договорённости о сокращении и ликвидации ядерного оружия, она позволяет нанести первый и безнаказанный удар. Он, Горбачёв, не может рисковать, на нём ответственность за безопасность своей страны. Рейган его упрасивал, буквально умолял, но Горбачёв упёрся. И вот финальная сцена в том домике. Открывается двухстворчатая дверь в комнату, где мы, делегация, ждём. По лицам двух лидеров мы понимаем: провал!⁶⁵.

По словам Н.Ф. Червова, «СОИ заблокировала всё достигнутое в Рейкьявике... Американская сторона не приняла текст. Она не пошла на ограничение СОИ рамками лабораторий. Находясь буквально на пороге решений, которые могли бы стать историческими для всей ядерной эпохи, США остались на старых позициях, не смогли перешагнуть через свои амбициозные планы достижения военного превосходства через космос... Чего же добивался в Рейкьявике Белый дом? Заставить СССР пойти на односторонние уступки. Но для того времени это была нереальная политика. Заявленные в Рейкьявике советской делегацией уступки — это часть “пакета”. Не будет “пакета” — не будет и уступок. Такова была советская позиция... логичная и серьёзная, отвечающая интересам безопасности СССР, США, Западной Европы и всех стран мира»⁶⁶.

В момент прощания из глаз Рейгана потекли слёзы. Актёрство? Вероятно, нет: он находился на грани нервного истощения. «Да, он плакал. Я смотрел и не верил», — вспоминал начальник личной охраны Горбачёва генерал В.Т. Медведев⁶⁷. Не в силах сдержать своих эмоций, в раздражении и досаде Рейган даже махнул рукой, выказывая этим всю степень разочарования от результатов переговоров; вероятно, он предчувствовал шквал критики⁶⁸. В свою очередь Палажченко полагал, что президент «реально мечтал о мире без ядерного оружия, он не хотел перехитрить и обмануть. У него была очень жёсткая позиция по вопросу о Советском Союзе и его роли в мире, но он был искренним человеком, хотя и убеждённым антикоммунистом. В вопросах разоружения Рейган был простодушен, он делал это не для того, чтобы обмануть русских. У Рейгана была мечта, он *просил* (выделено мной. — А.П.) о том, чтобы ему дали зелёный свет для глобальной ПРО»⁶⁹. В известной степени он был в политике романтиком⁷⁰, лелеявшим мечту о безъядерном мире. «Мы были так близки к соглашению. Его расстройство было очевидным», — писал руководитель аппарата Белого дома Д. Риган⁷¹. По свидетельству Палажченко, в те минуты

⁶⁵ Черняев А.С. Избранное — 2. С. 75—76.

⁶⁶ Червов Н.Ф. Ядерный круговорот... С. 117, 118, 121—122.

⁶⁷ Медведев В.Т. Человек за спиной. М., 1994. С. 210.

⁶⁸ Интервью В.Т. Медведева. Москва. 2020. 16 сентября (архив автора).

⁶⁹ Интервью П.Р. Палажченко.

⁷⁰ Fitzwater M. Call the briefing! Holbrook (Mass.), 1995. P. 138.

⁷¹ Regan D.T. For the record. From Wall Street to Washington. San Diego; N.Y.; L., 1988. P. 351—352. Добрынин вспоминал, как «начальник штаба» Рейгана Д. Риган рассказывал ему, что американский президент по пути в аэропорт долго молчал, а потом сказал: «Дон, мы с Горбачёвым были так близки к соглашению. Просто стыдно». Он показал при этом двумя пальцами расстояние в полдюйма. «Президент был потрясён таким исходом встречи», — добавил Риган (См.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно... С. 654).

«элемент разочарования» в связи с неудачей таких серьёзных и важных переговоров, имелся и у советской делегации⁷², хотя лидеры двух стран распросались вежливо, Горбачёв, проводивший Рейгана до его машины, вполне владел собой⁷³. По мнению Шеварднадзе, «Рейган выглядел разгневанным. Горбачёв, напротив, — спокойным»⁷⁴. Неудачу соглашения, он объяснил тем, что два лидера «не смогли удержать мяч, который сами же бросили далеко вперёд»⁷⁵.

Выступая по горячим следам после окончания встречи, государственный секретарь США Дж. Шульц поспешил объявить миру о её провале. Теперь появиться перед журналистами предстояло генеральному секретарю ЦК КПСС⁷⁶. Доехав до «Георга Отса», мрачный Горбачёв ушёл в каюту⁷⁷, но вскоре, видимо, сумел справиться с эмоциями. Позвонив заведующему подотделом международной информации ЦК КПСС А.И. Власову, собиравшему журналистов, Горбачёв попросил у него полчаса: «Надо продумать, что сказать»⁷⁸. «Я думал о главном — что я должен донести до прессы, до всего мира. Пресс-конференция собралась в большом ангаре, вмещавшем около тысячи человек. Пока шёл от дома, где велись переговоры, до ангара, где меня ждали журналисты, я лихорадочно всё обдумывал. Меня преследовала мысль: ведь мы договорились по стратегическим и средним ракетам. Это же новая ситуация. Так неужели принести всё в жертву ради сиюминутного пропагандистского выигрыша? Внутреннее чувство подсказывало — горячиться не следует. При моём появлении перед прессой все молча встали. Из зала исходила тревога... Я видел глаза сотни людей и был потрясён: передо мной предстал как бы весь человеческий род. Именно в это мгновение ко мне и пришло понимание того, что произошло и что я должен сказать... Ключевое значение имела... фраза: “При всём драматизме Рейкьявик — это не поражение. Это прорыв. Мы впервые заглянули за горизонт”. Зал как бы вышел из оцепенения. Бурные аплодисменты. Все вскочили с мест... Мы точно уловили господствовавшее в мире настроение и тем спасли процесс перемен»⁷⁹. Черняев с восхищением писал: «Казалось бы, очевидный для всех провал — и именно так сказал Шульц на авиабазе перед отлётом в США — Горбачёв через двадцать минут после рукопожатия с Рейганом превратил в возрождение надежды»⁸⁰.

Решение не устраивать пресс-конференцию в пропагандистском ключе и не обвинять в провале переговоров «американскую военщину» (подобный сценарий, в числе прочих, предусматривался ещё до их начала), Горбачёв принял

⁷² Палажченко П. Монино—Москва через Мадрид и Женеву (Свидетельство переводчика лидера сверхдержавы) // Независимая газета. 1992. 11 февраля.

⁷³ Интервью П.Р. Палажченко.

⁷⁴ Шеварднадзе Э.А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009. С. 89.

⁷⁵ Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 158.

⁷⁶ «В самые первые часы после того, как встреча завершилась, все мы не сумели по достоинству оценить тот факт, что Рейган с Горбачёвым разрешили больше спорных вопросов, чем наши лидеры на любом из предыдущих американско-советских саммитов. На первых пресс-брифингах мы дали полную волю своему разочарованию и не сумели дать ясное объяснение того, что в действительности было достигнуто» (Мэтлок Дж.Ф. Смерть империи... С. 77).

⁷⁷ Дубинин Ю.В. Время перемен... С. 143.

⁷⁸ Власов А.И. Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 72.

⁷⁹ Горбачёв М.С. Наедине с собой. С. 470. По словам Ахромеева, Горбачёв провёл пресс-конференцию «с блеском, как бы на одном дыхании» (Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата... С. 120).

⁸⁰ Черняев А.С. Шесть лет с Горбачёвым: по дневниковым записям. М., 1993. С. 116.

спонтанно, ни с кем не советуясь⁸¹. Это, несомненно, было сильным политическим решением. Он размышлял: «Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимания того, где мы находимся. Все увидели, что договорённость возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что ещё больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — ещё больший оптимист... Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по-крупному. Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто всё сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на известные уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность нашего государства, мы пойти не можем»⁸². Одному из соратников, считавшему, что следовало бы всё же пойти на заключение соглашений, он ответил: «Ты что, хочешь, чтобы в Союзе и за рубежом мне приписали сдачу наших национальных интересов?»⁸³. На совещании с членами Политбюро 1 декабря генсек убеждал: «В Рейкьявике — да — наши предложения прозвучали как уступки. А на самом деле никакие это не уступки... Тут оселок. Если мы за мир не будем бороться — народ нас не поймёт. И если мы оборону ослабим — нас народ тоже не поймёт. У него — здоровый шовинизм. Тут лезвие, по которому мы идём. Ошибись, закуси удила — можно наворочать таких дел... Надо очень чётко распределить, что мы должны делать тут и что делать там. И никаких кампаний не нужно по разъяснению того, что мы заботимся об обороне страны»⁸⁴.

В свою очередь Черняев отмечал, что главный итог саммита — «диалог двух людей, которые поверили друг другу, пусть не до конца... Что означал “выход за горизонт” после Рейкьявика и благодаря Рейкьявику? Это выход к нормальному человеческому здравому смыслу, выход за пределы идеологических и иных враждебных установок, которые с обеих сторон диктовали порочную логику холодной войны»⁸⁵. Позднее он подчёркивал, что «красной нитью горбачёвских оценок было: мы спасли процесс перемен, дали перспективу, за Рейкьявиком пойдут, должны пойти другие шаги по преодолению конфронтации»⁸⁶. У Палажченко возникла уверенность, что Рейкьявик «войдёт в историю как честная попытка договориться о мире без ядерного оружия, нереализованная мечта, которая станет нашим обязательством перед миром»⁸⁷. Большинство членов советской делегации воспринимали его скорее в позитивном ключе⁸⁸. Хотя в среде профессиональных дипломатов встречаются и иные оценки. Так, по мнению Белоногова, «в Рейкьявике ничего не получилось, хотя все сделали хорошую мину»⁸⁹.

⁸¹ Интервью П.Р. Палажченко; Белый лис... С. 33.

⁸² Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед М. Горбачёва с зарубежными деятелями и другим материалам / Общ. ред. А.С. Черняева, А.Б. Вебера. М., 2010. С. 53.

⁸³ Власов А.И. Записки из рухнувшего дома. С. 72.

⁸⁴ Отвечая на вызов времени... С. 55.

⁸⁵ Черняев А.С. Избранное — 2. С. 76—77.

⁸⁶ Черняев А.С. Рейкьявик — спустя 20 лет // Черняев А.С. Избранное. М., 2011. С. 334.

⁸⁷ Интервью П.Р. Палажченко.

⁸⁸ Интервью А.А. Бессмертных (в 1986 г. — заместитель министра иностранных дел СССР). Москва. 2019. 21 марта (архив автора).

⁸⁹ Интервью А.М. Белоногова.

Чем же всё-таки закончился Рейкьявик? Свою версию предложил журналист, а позднее посол СССР в Израиле А.Е. Бовин: «Американцы... были не готовы разоружаться. Формально Горбачёв потерпел поражение: его предложение было отклонено. Но по существу потерпел поражение Рейган, ибо он отказался отодвинуться от края пропасти, за которым — самоубийство человечества». Горбачёв же «заслужил высшую оценку как переговорщик»⁹⁰, хотя его попытки «уламывать» Рейгана (выражение последнего пресс-секретаря Президента СССР и его биографа А.С. Грачёва⁹¹) не привели ни к какому результату. Из-за позиции США по СОИ, констатировала «Нью-Йорк таймс», переговоры зашли в тупик⁹². Отмечу при этом, что неуступчивость Рейгана, да и вообще вся его линия на саммите⁹³, в целом получили поддержку американского общества, которое президент сумел убедить в том, что «сорвал» коварный замысел «Советов».

В Советском Союзе отсутствие договорённостей объяснили неуступчивостью американской стороны: «СОИ оказалась той лакмусовой бумажкой, которая высветила истинные — во всяком случае на сегодняшний день — намерения Вашингтона. Какими они будут завтра, покажет будущее»⁹⁴; «Принято говорить, что на любых переговорах партнёры должны преодолеть свою половину пути. Свою половину Советский Союз преодолел. Честно, ответственно, мужественно. И если не было достигнуто соглашение, то не по нашей вине. На многие серьёзные уступки пошёл СССР ради того, чтобы избавить мир от миллионов “хиросим”, готовых в любую минуту испепелить всё живое. Другая сторона на уступки не отважилась», — писала советская пресса тех дней⁹⁵. Вместе с тем саммит с самого начала изображался как исторический прорыв, хотя бы в силу самой готовности к беспрецедентным соглашениям. «После Рейкьявика народам лучше, чем когда-либо, известно: существует конструктивная альтернатива вооружённому до зубов миру, военному противостоянию держав, политике силы и насилия»⁹⁶.

О том, какое значение придавалось встрече в верхах, свидетельствует то, что Горбачёв счёл необходимым два раза выступить по центральному телевидению для объяснения народу и всему миру, сколь далеко обе стороны продвинулись на пути к ядерному разоружению (не упустив возможность назвать «пресловутую СОИ» «символом обструкции всего мира» и «концентрированным выражением милитаристских замыслов»⁹⁷). Вероятно, что подобная «разговорчивость» объяснялась также желанием отвести обвинения в срыве столь удачно, казалось бы, складывавшихся переговоров.

Рейкьявик вызвал беспрецедентный общественный резонанс. Прежде всего потому, что лидеры двух сверхдержав проявили стремление к ликвидации ядерного оружия⁹⁸, показав, что противоречия между «большевиками» и «капиталистами» не столь непреодолимы, чтобы они никогда не смогли бы договориться. Тем самым они подарили надежду на мирную жизнь и во многом

⁹⁰ Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 458.

⁹¹ Грачёв А.С. Горбачёв. М., 2001. С. 199.

⁹² The New York Times. 1986. 13 October.

⁹³ Cheney D. In my time. A personal and political memoir. N.Y., 2011. P. 491.

⁹⁴ Паклин Н. После Рейкьявика // Неделя. 1986. № 42. С. 3.

⁹⁵ Ефимов Н. В Рейкьявике и после // Неделя. 1986. № 43. С. 8.

⁹⁶ Фалин В. Рейкьявик: две недели спустя // Известия. 1986. 26 октября.

⁹⁷ Правда. 1986. 15 октября, 23 октября.

⁹⁸ Польшов М.Ф. Внешняя политика Горбачёва... С. 168.

подготовили почву для последующих реальных шагов в области разоружения. Представить подобные ожидания раньше было нельзя. Рейкьявик изменил атмосферу в разъединённом железным занавесом мире, именно тогда начался подрыв основ, на которых покоилась холодная война⁹⁹. Саммит обозначил поворот к новому мышлению в международной политике, которое позволило быстро добиться впечатляющих результатов в области разоружения и резкого снижения международной напряжённости.

Он также парадоксальным образом привёл к прорыву в советско-американских отношениях. Как писал Мэтлок: «Встреча всё-таки принесла свои плоды — и это было чрезвычайно важно: она убедила Горбачёва, что Рейган искренне желает покончить с гонкой вооружений. Однако к такому выводу Горбачёв пришёл не сразу. Слишком были обострены чувства и слишком сильно было у обоих ощущение предательства, не позволявшее спокойно рассуждать»¹⁰⁰. Горбачёв убедился, что с Рейганом можно успешно взаимодействовать как с искренним политиком, глубоко убеждённым в необходимости отвести от мира ядерную угрозу¹⁰¹. Советский и американский лидеры не просто заужали друг друга, но и приобрели определённую личную симпатию¹⁰². Никто из участников переговоров, вероятно, и не подозревал, что в самое ближайшее время «история так невероятно ускорит свой бег»¹⁰³.

⁹⁹ Mann J. The rebellion of Ronald Reagan. N.Y., 2010. P. 49.

¹⁰⁰ Мэтлок Дж. Ф. Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985—1991 гг.) // Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 158; Мэтлок Дж. Ф. Рейган и Горбачёв. М., 2005. С. 248.

¹⁰¹ Grachev A. Gorbachev's gamble. Cambridge, 2019. P. 95.

¹⁰² Интервью П.Р. Палаженко.

¹⁰³ Горбачёв М.С. Я считаю ядерную войну недопустимой. Только безумец может её начать // Известия. 2019. 18 октября.